

«ДОРОГОЙ МИСТЕР ШОУ»

Dear Mr. Shaw

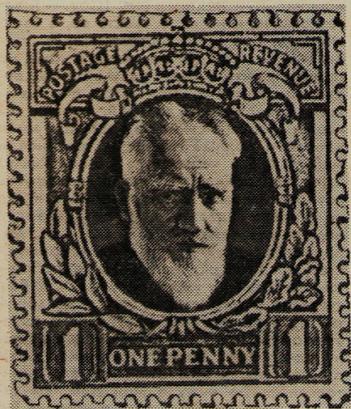

Рис. «Санди таймс», Лондон.

Вивьен ЭЛЛИОТ

«САНДИ ТАЙМС», ЛОНДОН.

ПОДСЧИТАНО, что за свою жизнь Бернанд Шоу написал по меньшей мере четверть миллиона писем и открыток. Сам драматург полагал, что вполне мог бы создать еще 20 новых пьес за то время, которое потратил, отвечая на письма. Он утверждал, что в идеале погребовалось бы не менее 20 клерков, чтобы справиться с поступающей в его адрес корреспонденцией, и не менее 30 миллионов фунтов стерлингов, чтобы помочь всем, кто просил денег.

Как-то Шоу призвал одного из друзей называть его не «прекрасным человеком», а по возможности — «отвратительным, скучным, безжалостным». «Приписывайте мне самые отталкивающие качества», писал он, — чтобы отбить у людей охоту обращаться ко мне. В противном случае вы можете лишь ускорить мою смерть, и без того неминуемую.

Письма драматург получал увесистыми пачками. Он уверял, что тут же рвет все послания. «Я уничтожил ваше письмо — таково мое неизменное правило», — сообщил он одному члену Фабрианского общества (организация английской буржуазной интеллигенции, созданная в 1884 году, пропагандировала идею постепенного преобразования капиталистического общества в социалистическое путем реформ. — Ред.). В действительности драматург сохранял большую часть корреспонденции.

Ежедневно Шоу проводил два-три часа за полуденной трапезой. За это время он просматривал корреспонденцию, решал, на какие из писем следует ответить немедленно. Большие шансы получить ответ имели те авторы, чьи послания были неожиданными, дерзкими, занятыми или же имели отношение к таким волнующим Шоу вопросам, как вегетарианство, избирательные права для женщин, обязательная вакцинация, смертная казнь, проблема трезвости.

На заинтересовавшие его письма Шоу отвечал пространными посланиями, однако чаще — при помощи открыток со стандартным отпечатанным текстом, которых у него было более 30 вариантов.

Те, кто обращался за финансовой помощью, могли получить такой ответ:

«Пожалуйста, не просите мистера Бернарда Шоу о деньгах. У него их недостаточно для того, чтобы помочь всем нуждающимся читателям. Он может писать для вас, но не содержать вас».

А те, кто не преминул поздравить драматурга с днем рождения, могли извлечь из почтового ящика следующее послание:

«Мистер Бернанд Шоу умоляет своих друзей и читателей не отмечать дни его рождения и лучше даже не упоминать о них. Написать одно письмо или прислать пирос не именины — совсем не сложно, но получать одновременно сотни писем и пиросов — это уже подлинное бедствие, размеры которого несколько не уменьшаются от того, что страдаете вы от него лишь раз в году».

Но даже если Шоу отправлял заранее отпечатанную открытку, адрес он частично надписывал сам, а внизу открытки добавлял несколько строк — дружеских или едких, в зависимости от настроения. Инициалы, которыми он подписывался — Дж. Б. Ш., — стали едва ли не самыми известными в Великобритании, а может, и в мире. Его мнение практически по любому

вопросу неизменно привлекало внимание прессы и интерес читателей, его имя в списке ораторов собирало полный зал, который иначе мог бы остаться пустым. Интервью Шоу было залогом сенсационной публикации для любого начинающего журналиста. Дельфийский оракул XX века, мудрец, красноречивый и прекрасно информированный, он был тем человеком, которому писали в надежде получить совет, ободрение, утешение или помощь.

Многие обращались в порыве отчаяния, поверяя самые интимные секреты. В итоге Шоу даже жаловался, что его превратили в исповедника всего мира. Большинство корреспондентов чего-то хотели от Шоу. «Когда наберешься смелости обратиться к оракулу, не станешь спрашивать его о погоде», — писал один из таких людей. Шоу неоднократно просили выступить в роли советчика при выборе спутника жизни и профессии, в качестве судьи и адвоката, филантропа, банкира, посредника между кредиторами и должником, психиатра, свата, литературного консультанта...

Ежедневно его буквально засыпали просьбами: прислать свои книги, помочь выхлопотать пенсию, внедрить в Англии морозостойкий сорт картофеля, организовать поезд в Палестину из Германии профессора-еврея и его жены в 1939 году, достать радиоаппаратуру для китобойной экспедиции, найти жену, работу, жилье, издателей. Ему приходилось давать советы, как правильно питаться, как стать журналистом, как завести друзей, как добиться избрания Генри Форда президентом США, как стать артистом, как заниматься самообразованием, как выбраться из тюрьмы...

Молодых людей, просивших совета, он наставлял:

«Никогда не следуйте советам. Если бы я следовал тем, что мне давали в молодости, то был бы сейчас дряхлым безработным клерком».

И все же Шоу давал советы, поскольку ему нравилось чувствовать себя, как он сам говорил, «классной дамочкой». Когда молодые люди советовались с ним по поводу перспективного поприща деятельности, он неизменно отвечал: если у вас есть мозги, займитесь статистикой, если нет — политической или театром.

Как-то к нему обратился человек, который был убежден, что губит в армии свой талант.

«Найдите женщину, которая захочет содержать вас — как содержат домашних животных — в надежде, что вы ока-

жетесь гением. При этом она должна отдавать себе отчет, что из вас выйдет кормилица семьи, поскольку вы не можете зарабатывать на хлеб как обычные, заурядные люди», — написал ему Шоу.

Однако отнюдь не всегда стоило буквально следовать советам Шоу. Как-то, выступая по радио, он посоветовал слушателям всегда быть честными и говорить семье о себе только правду. Вскоре один мужчина пожаловался, что последовал этому совету и признался жене в измене. В результате она слегла, дочь чуть было не сошла с ума, а сын надавал правдолюбцу таких тумаков, что тот получил двойной перелом.

Некая жительница Лондона оказалась в полном недоумении. Под влиянием идей Шоу она оставила мужа,

но вскоре получила ответ, где признавалось, что произошла ошибка. Однако руководство театра отказалось принести извинения, считая, что в результате ошибки сборы оказались в три раза выше предполагаемых. Истинного автора «Пигмалиона» заверили, что и он получит вознаграждение гораздо выше того, чем обещалось первоначально. В заключение выражало удивление по поводу того, что Шоу «ворчит». Шоу немедленно откликнулся язвительным письмом, в котором просил не исправлять эту весьма удачную ошибку. «Я вовсе не ворчу», — саркастически уточнил он. — Я лкую».

Шоу нравились люди эксцентричные, как и он сам. Одним из таких был Френсис Коллинсон, владелец небольшого магазина канцелярских товаров и газетного киоска в Колчестере. Шоу называл его «мой эпизодически закадычный друг», они регулярно

переписывались. В 1903 году в знак признательности за небольшую сумму он прислал Шоу канарейку и обещал котенка.

«И вот я спрашиваю вас, мистер Коллинсон, как человека разумного: что мне, по-вашему, делать с этой чертовой канарейкой? — написал ему Шоу. — Я вегетарианец и не могу съесть ее, в свою очередь, она недостаточно велика, чтобы съесть меня. Но вы, по-видимому, не принадлежите к числу разумных. Вы, вероятно, считаете, что верх счастья — жить в окружении голубей, персидских кошек, морских свинок и кроликов, имея вдобавок полный аквариум тритонов и жаб прямо в кабинете. У меня как-то была канарейка, маленькая негодяйка, которая влетела ко мне в окно и никак не желала удалиться. Я возненавидел ее, она отвечала мне взаимностью... Мы причиняли друг другу кучу неприятностей, пока однажды какой-то сердобольный человек не украл ее у меня. Я был счастлив с того самого дня и до минуты, пока не получил ужасного известия о том, что вы навязали мне еще одну канарейку... Воспользовавшись моим отсутствием, чтобы запустить эту орнитологическую чуму в мой дом, вы теперь хотите прислать еще и котенка. Но ведь котенок, как только подрастет, сожрет канарейку! Неужели вам не хватает элементарного здравого смысла? ...Что я вам такого сделал, что вы навлекаете на меня эти беды? Возможно, мои книги причинили вам вред? Может, они отвлекли вас от работы? Моя единственная надежда — жена садовника. У нее уже есть одна канарейка, возможно, она согласится взять и вторую, если я буду выплачивать ей по 5 шиллингов в неделю до конца жизни этой канарейки. Тогда я буду слышать ее голос только во время прогулок по саду и буду проклинать имя Ф. Коллинсона при каждой трели».

Конечно, и Коллинсон, и его семья понимали истинную цену этой отповеди. Когда Коллинсон умер в 1912 году, один из его сыновей написал Шоу:

«Вы были очень добры к нему. Вы тратили свое драгоценное время на переписку с ним и одаживали, а по сути дела безвозмездно давали ему деньги. Вы были великодушны. Мне кажется, что ваше участие было самой большой радостью в жизни моего бедного отца. Он берег ваши письма, перечитывал их... Ваше последнее послание больше, чем любое лечение, облегчило последние два месяца его жизни. В этой христианской стране последнее, что осталось от христианских добродетелей, — подаяние нищим. Благодарение богу, вы больше, чем просто христианин».

Вас самих, но уходить все равно надо. Почему бы вам не жениться?»

Для многих Шоу был «врачевателем душ». Особенно отчаянные письма приходили от людей, находившихся на грани самоубийства. «Я верю, что вы поможете мне», — обращалась к Шоу одна женщина, — в вашем сердце всегда был уголок для женщин и безумцев». Другое письмо начиналось так: «Дорогой мистер Шоу, я утопаю, который хватается за соломинку. Вот почему я обращаюсь к вам».

Шоу всегда отвечал весьма здраво и порой даже резко, давая возможность потенциальным самоубийцам остановиться и подумать. Вот что он писал человеку, который вернулся домой после второй мировой войны с вконец расстроенными нервами и в порыве отчаяния хотел убить не только себя, но и детей:

«Убивать себя или нет — решать вам и только вам. Никто не может остановить вас. Если вы уверены, что ни на что не годитесь и только мешаете всем жить, то самоубийство — выход, который заслуживает рассмотрения. Но всегда лучше отложить это решение на завтра — вдруг уже сегодня вечером произойдет что-то важное. Что же касается убийства детей, то это поистине был бы поступок безумца и убийцы. У ваших ребят могут быть прекрасные задатки. Возможно, они рождены для славы: бывало так, что дети ни на что не годные родители становились великими людьми, — Бетховен и Ньютон тому пример. Мой отец был неудачником, пожалуй, лишь последние годы его жизни можно назвать счастливыми. Я достаточно самостоятелен, чтобы считать себя благоденствующим, что он не убил меня в припадке плохого настроения. Он находил утешение в вине, что, впрочем, делало его еще хуже. А вы не пытались обратиться к психологу? Душевные муки не философия, от них можно излечиться. Вполне возможно, что скоро будет создано эффективное лекарство».

Жизнь — счастливая или несчастная, удачная или неудачная — необычайно интересна, — продолжал Шоу. — Дети, покинутые родителями, не погибают от голода: о них заботятся приемные родители или воспитатели в приютах. Порой их жизнь меняется даже к лучшему, особенно если их родители были манияльно одержимые личности, которые могли вообразить, что делают доброе дело, убив детей. Короче говоря, не делайте глупостей, дорогой сэр. Найдите себе какое-нибудь интересное дело».

Шоу уверял, что получал в день до 20 писем с просьбами о денежной помощи, и всегда заявлял, что не посы-

лает никому ни пенни. Он считал, что о немущих должно заботиться государство, а не отдельные филантропы. «Я ненавижу бедных и делаю все возможное, чтобы уничтожить их», — заявлял он.

Однако его щедрость брала верх, и многие просители получали от Шоу не только суровую отповедь, но и деньги.

«К чему сообщать мне обо всем этом? Это забота для филантропов, к которым я не принадлежу. Если вы не в состоянии найти работу, можете прокутить прилагаемую пару фунтов и отправиться в рабочий дом», — написал он одному корреспонденту.

«Каждые полгода на протяжении трех-четырех лет Шоу получал послания от одного постоянного корреспондента, — вспоминает секретарша драматурга Бланш Патч. — Он неизменно называл себя «матросом первого класса» и заявлял, что у него на примете есть превосходная работа, но он не может к ней приступить, поскольку его форма или медали заложены в ломбарде. К письму неизменно прилагались квитанции примерно на 10 шиллингов и его фотография, сделанная, как я полагаю, много лет назад. У Шоу уже вошло в привычку отсылать ему квитанции, фотографию и 10 шиллингов».

Один неудачник по имени Керри Коллинз, с которым Шоу вел переписку на протяжении трех лет, в конце концов выспросил у него пару коричневых ботинок. Когда ботинки приходили в негодность, он присылал их Шоу.

«Дорогой Дж. Б. Ш., — писал он в сентябре 1942 года, — смею ли я еще раз послать вам ваши бесценные ботинки, чтобы их починили для меня? Или

вам не удастся вернуть их? Я буду благодарен за любой ответ».

«В ответ на просьбу выставить свою кандидатуру на выборах в парламент».

«В ответ на письмо ребенка с просьбой разрешить назвать в его честь ручного поросенка».

«В ответ на письмо ребенка с просьбой разрешить назвать в его честь ручного поросенка».

«В ответ на письмо ребенка с просьбой разрешить назвать в его честь ручного поросенка».

(В ответ на просьбу выставить свою кандидатуру на выборах в парламент.)

Дж. Б. Ш. По-моему, легче и приятнее было бы попросту утопиться.

«В ответ на письмо ребенка с просьбой разрешить назвать в его честь ручного поросенка».

«В ответ на письмо ребенка с просьбой разрешить назвать в его честь ручного поросенка».

«В ответ на письмо ребенка с просьбой разрешить назвать в его честь ручного поросенка».

«В ответ на письмо ребенка с просьбой разрешить назвать в его честь ручного поросенка».

«В ответ на письмо ребенка с просьбой разрешить назвать в его честь ручного поросенка».

«В ответ на письмо ребенка с просьбой разрешить назвать в его честь ручного поросенка».

«В ответ на письмо ребенка с просьбой разрешить назвать в его честь ручного поросенка».

«В ответ на письмо ребенка с просьбой разрешить назвать в его честь ручного поросенка».

«В ответ на письмо ребенка с просьбой разрешить назвать в его честь ручного поросенка».

«В ответ на письмо ребенка с просьбой разрешить назвать в его честь ручного поросенка».

«В ответ на письмо ребенка с просьбой разрешить назвать в его честь ручного поросенка».

«В ответ на письмо ребенка с просьбой разрешить назвать в его честь ручного поросенка».

«В ответ на письмо ребенка с просьбой разрешить назвать в его честь ручного поросенка».

«В ответ на письмо ребенка с просьбой разрешить назвать в его честь ручного поросенка».

«В ответ на письмо ребенка с просьбой разрешить назвать в его честь ручного поросенка».

«В ответ на письмо ребенка с просьбой разрешить назвать в его честь ручного поросенка».

«В ответ на письмо ребенка с просьбой разрешить назвать в его честь ручного поросенка».

«В ответ на письмо ребенка с просьбой разрешить назвать в его честь ручного поросенка».

«В ответ на письмо ребенка с просьбой разрешить назвать в его честь ручного поросенка».

«В ответ на письмо ребенка с просьбой разрешить назвать в его честь ручного поросенка».

«В ответ на письмо ребенка с просьбой разрешить назвать в его честь ручного поросенка».

«В ответ на письмо ребенка с просьбой разрешить назвать в его честь ручного поросенка».

«В ответ на письмо ребенка с просьбой разрешить назвать в его честь ручного поросенка».